

окрестностях Севастополя // АО. — 1973. — М., 1974.

15. Щеглов А. Н. Ольвия и Херсонес: Новые материалы и аспекты проблемы // Тезисы докладов и сообщений семинара «Проблемы исследования Ольвии». — Парутино, 1986.
16. Щеглов А. Н., Рогов Е. Я. Погребения в подбойных могилах в нижнем Побужье, Нижнем Поднепровье и северо-западном

Крым // Тезисы докладов «Проблемы исследования Ольвии». — Парутино, 1986.

17. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л.: Наука, 1978.
18. Яценко И. В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории // Путешествия в древность. — М.: Изд-во МГУ, 1983.
19. Корпусов В. Н. Некрополь Золотое. — Киев: Наук. думка, 1983.

С. В. ДЬЯЧКОВ

РИМСКИЕ ГРАЖДАНЕ НА БОСПОРЕ

Римские граждане среди жителей Боспорского царства не были предметом особого изучения. Обычно исследователи тщательню подсчитывали количество римских имен в местном ономастиконе, попутно признавали факт присутствия среди боспорцев римских граждан, и на основании арифметических действий определяли степень романизации боспорского общества (1, с. 252; 2, с. 113; 3, с. 141). Однако появление новой социальной группировки на Боспоре целесообразнее рассматривать через призму римской политики по отношению к крупнейшему государству в Северном Причерноморье.

После смерти Асандра, зависимость которого от Рима носила символический характер, единоличной правительницей Боспора становится его жена, внучка Митридата Евпатора царица Динамия. Она верно оценила ситуацию, справедливо полагая, что реальным гарантом ее власти может быть только римская держава. Надписи царицы обнаруживают полную лояльность Динамии римским властям (4, №№ 31, 38, 978, 979, 1046). Подобно гомеровской Пенелопе, царица Боспора становится довольно престижной «невестой» в Восточном Средиземноморье, где еще с мифических времен рука дочери или жены царя обеспечивала царский статус ее супругу.

Узурпация власти на Боспоре неким Скрибонием, претендовавшим на руку Динамии, была откровенной авантюрой, которую быстро пресекли боспорцы, боявшиеся возобновления вражды с Римом. Однако Август не оставил без внимания этот эпизод. На Боспор в качестве соправителя и мужа Динамии был послан Полемон I, опиравшийся на авторитет Агриппы (5, Dio. XLIV, 24). Среди малоазийских монархов Полемон был весьма колоритной фигурой. Титул царя Полемон получил от триумвира Марка Антония (6, XII, 8, 16), затем правил Колхидой и Малой Арменией (6, XI, 2, 3), вместе с Антонием воевал парфян, войска царя участво-

вали в битве при Акции (7, Антоний, 38, 61). После гибели Антония Полемону удалось не только сохранить царский титул, но и стать в ряд «союзников и друзей» римского народа (5, Dio. LIII, 25). Он решительно укреплялся на Боспоре, используя для этого и военную помощь Херсонеса (27, № 419). Круто обошелся царь с Танаисом, разрушив мятежный город (6, XI, 2, 3).

Этот «послужной список» делает вполне правдоподобной версию о том, что боспорский царь имел права римского гражданина и его полное имя Марк Антоний Полемон (8, с. 41—43). Он был весьма близок к Марку Антонию, который по закону Муниция — Эмилия имел право даровать римское гражданство (9, с. 362). Внучка триумвира Пифодорида была последней женой Полемона; дочь царя звали Антонией Трифеной (10, с. 17), а внук чеканил монеты, где именовал себя Марком Антонием (11, с. 104).

Известно, что царь Полемон погиб в борьбе с аспургвианами (6, XI, 2, 11). Гибель царя и римского гражданина привела к глубокому кризису царской власти на Боспоре. До сих пор остается загадкой, кто же правил на Боспоре с 8 г. до н. э. по 14 г. н. э.? Эпиграфические памятники не дают бесспорного ответа на этот вопрос. На золотых и медных монетах имя царя скрывается под скромными монограммами, уступая место портретам Августа и Агриппы (12, №№ 255—296).

Воцарение на боспорском престоле Аспурга знаменовало качественно новый этап в римско-боспорских отношениях и существенно изменило место Боспора в римском мире. Царем Аспург был признан в Риме (13, с. 202). Вероятно, Аспург оказался там после смерти Августа, стараясь добиться расположения со стороны нового императора. К этому времени личные симпатии принцепса определяли судьбы царств и народов (8, с. 58). Тиберий и Аспург положили начало союзу в форме *amicitia* (13, с.

206). Обычно «дружба» с римлянами существенно ущемляла независимость государств и способствовала установлению над ними римского контроля. Внешним проявлением союзнических отношений становится двойной титул боспорского монарха — «друг цезаря и друг римлян» (4, № 40), — наиболее постоянная и существенная часть пышной титулатуры боспорских владык I—III вв. Помимо прочего, о заключении союза между Тиберием и Аспургом свидетельствуют также имена боспорских царей, носивших *граепопен* и *попен* императора Тиберия.

Впервые имя Тиберий Юлий встречается в титулатуре Котиса I (4, № 69), что вызвало различные комментарии (14, с. 72; 15, с. 324; 2, с. 104). Более убедительной представляется точка зрения специалистов, считавших, что царь Аспург получил права римского гражданства, а вместе с ними и императорское gentilное имя (16, с. 189; 17, с. 122; 8, с. 41). Это предположение пока не подтверждается источниками, но, следуя строгим законам римской ономастики, *граепопен* и *попен* Тиберия среди боспорских царей мог получить только Аспург, поскольку он умер через год после смерти Тиберия. Не исключено, однако, что привилегий римских граждан могли удостоиться сыновья царя Котис и Митридат. К таким размышлениям приводят слова Митридата, сына Аспурга, когда тот, после поражения в римско-боспорской войне, был доставлен к императору Клавдию, перед которым держался дерзко и если верить слухам, заявил: «*Non sum remissus ad te, sed reversus...*» (5, Tac. Ann. XII, 21). Использование Тацитом глагола «вернулся» наводит на мысль о том, что Митридат бывал в Риме, причем довольно продолжительное время, возможно в качестве заложника. В этом случае приобретение братьями римского гражданства нормальное явление. Институт заложничества широко практиковался римлянами в отношениях с зависимыми царствами. Например, сыновья фракийского царя Котиса — Реметалк, Полемон и Котис — были «сотоварищами» и «совоспитанниками» молодого Калигулы (18, с. 3). Жизнь в Риме развращала царских отпрысков, питала их проримские настроения (8, с. 9—13).

Предоставление римского гражданства провинциалам и жителям зависимых от Рима государств было одним из важнейших методов формирования социальной базы римского владычества. В зависимых царствах от Британии до Северной Африки прав римского гражданина удостоивались прежде всего лояльные монархи (8, с. 39—45). Новый статус сулил значительное повышение их престижа внутри страны и в глазах соседей. Не случайно, вифинский царь называл себя римским либертином (19, 2), а один из отпущенников — персонажей «Сатирикона» утверждал, что он, будучи царским

сыном, добровольно предпочел рабство, чтобы со временем стать римским гражданином, а не быть вечным данником (20, LY. 11).

Следует отметить, что на Боспоре был учрежден культ римских императоров. Первосвященниками императорского культа были боспорские цари (4, №№ 41, 42, 44, 53, 582 и др.), что также предусматривало их римское гражданство. Таким образом, во времена Аспурга складывается римско-боспорский союз, превративший боспорских монархов в лояльных посредников между Римской империей и варварским полем.

Имя Тиберий Юлий становится династическим для боспорских правителей I—IV вв. и самым популярным среди римских имен в ономастике царства. Во II—III вв. имя Юлий носили члены царской «фамилии», придворные сановники и, вероятно, царские вольноотпущенники (21, с. 75—77).

Антиримская политика Митридата, сына Аспурга, вылившаяся в войну (5, Tac. Ann. XII, 15—21), имела тяжелые последствия для Боспора. Источники умалчивают о каких-либо заметных акциях Боспора во внешней политике. В 63 г. послушный Котис I прекращает бить монету от своего имени. Монеты «союзного» Боспора стали похожи на монеты римских провинций, царь Боспора в них даже не упоминается (22).

Однако ослабление Боспора привело к неблагоприятным последствиям для победителя. В Причерноморье значительно активизировались варвары. Они осадили Херсонес, вынудив римлян организовать в Таврику поход под руководством Плавция Сильвана (23, с. 20; 24). После смерти Нерона римская политика в отношении Боспора постепенно изменилась — бережное отношение Веспасиана к уже завоеванному, смуты времен Домициана, походы Траяна вынуждали дорожить стабильностью в Северном Причерноморье. В этих условиях римляне доверяли защите своих интересов «дружественным» царям Боспора и даже в самом начале II в. выводят свой гарнизон из Херсонеса (23, с. 24). На рубеже I—II вв. растет внешнеполитический авторитет Боспора. Тиберий Юлий Савромат I облагодетельствовал союз «молодых никейцев». Декурионы Синопы ставят этому царю статую и называют его «выдающимся другом императора и римского народа» (4, №№ 44, 46). Царь активно переписывается с императором (5, Plin. Epist. X, 63—65). Боспор теснит скифов. Цари одерживают крупные победы над варварами (4, №№ 32, 33). Конные и пешие части Боспора входят в состав римских вспомогательных войск (15, с. 334; 26, с. 148). В это время цари выразительно подчеркивают наследственный характер своей власти, а следовательно, и преемственность политики союза с Римом. В одной из надписей (4, № 42) будущий царь Савромат упоминает отца, деда и прадеда (Рескупорид I,

Котис I и Аспург). На дупондиях Савромата I и Котиса II упоминается Аспург как основатель династии (25).

Однако теперь, опираясь на уроки войны 45—49 гг., римляне укрепляли свое влияние не только в царской семье. Поэтому вполне закономерным стало появление на Боспоре *cives Romani* среди власти имущих. Этот процесс начался при Флавиях. Известен Флавий Ахемен, сын Ахемена, боспорец, умерший в Ольвии (27, № 202). Его имя и патронимик не оставляет сомнений в местном, весьма сановном происхождении (28, с. 86). Новые римские граждане появляются на Боспоре во времена Траяна. Среди них выделим Марка Ульпия Прима, поставившего статую «своего благодетеля» царя Савромата I (4, № 43). Надпись датирована 97 г., а Траян стал императором в январе 98 г. Остается предположить, что Прим получил гражданство, *praenomen* и *nomen* Траяна еще в то время, когда тот был наместником в Германии. В этом случае уместно вспомнить эдикт Домициана о гражданстве ветеранов (9, с. 371). Имя Прим, столь популярное среди военных, перегринов и отпущенников (29, с. 125), на Боспоре встречается лишь дважды (4, №№ 43, 489). Вероятно, Ульпий Прим не был коренным жителем Боспора.

Но были римские граждане и среди туземного населения. В надписях упоминаются: наместник царской резиденции Ульпий Парфенокл (4, № 628), начальник острова Ульпий Антимах, сын Мастуса и его жена Ульпия Каллисфения (4, № 697). При упоминании об Ульпиях обычно ссылаются и на надпись в честь крупной победы царя Савромата I над скифами, где указываются военачальники Парфенокл и Антимах (4, № 32). Быть может за участие в сражении им и было даровано римское гражданство? Ведь варвары вполне реально угрожали интересам Рима. Замечателен тот факт, что Марк Ульпий Парфенокл закончил свою жизнь в Ольвии (27, № 203). Эпитафия выдает происхождение этого римского гражданина и боспорского сановника. Здесь указан его *agnomen* — имя, полученное при рождении и имеющее выразительные иранские корни — Мастус (30, параграф 269, с. 186). Очевидно, что Ульпий Парфенокл, он же Мастус и Ульпий Антимах, сын Мастуса, связаны родственными узами. К этой семье, представляющей придворные круги, принадлежит и хилиарх Ульпий Антисфен, сын Антимаха, поставивший статую «своего владыки» царя Рескупорида III (4, № 53). Не исключено, что Ульпий Парфенокл, он же Мастус и Флавий Ахемен, сын Ахемена и другие боспорцы (27, №№ 202—204) оказались в Ольвии на рубеже веков в качестве «специалистов» по борьбе с варварами. Ведь в это время значение Боспорского царства как римского союзника в Причерноморье резко возросло — ре-

шением римлян Боспору был подчинен Херсонес Таврический (5, Phl. Trall. XV, fr. 22). Поэтому предположение М. И. Ростовцева о боспорском протекторате над Ольвией представляется весьма вероятным (16, с. 191).

Разнообразные и долговременные связи царства с римскими провинциями в Малой Азии стали еще одной причиной появления во II—III вв. римских граждан на Боспоре. Среди них те, чьи предки за заслуги перед империей были удостоены римского гражданства и получили императорские гентильные имена: Луций Флавий Эпитинханонт из Никеи вифинской, синопец Тиберий Клавдий Мениллион и Юлий Телесин из Гераклеи (4, №№ 44, 59, 733). Интересно, что Флавий Эпитинханонт и Юлий Телесин были облагодетельствованы боспорскими царями, которым в свою очередь установили статуи. Другую группу «римских граждан» составили, видимо, римские отпущенники и их потомки (4, №№ 86, 703а, 752, 894). Их статус и происхождение выдают провинциальные *nomina* — Вергилий, Цезий, Келий, Игнатий, а также греческие *cognomina* очень редкие на Боспоре и распространенные в рабской среде — Гимер, Флегонт, Эфнидий. А в греческой эпитафии Авла Ситесия когномен опустили, видимо, намеренно, чтобы скрыть отпущеннический статус врача-эмпирика (4, № 655). Рабские имена оставались в номенклатуре отпущенников именно в виде когномен (31, с. 52). Упомянутые люди закончили свою жизнь на Боспоре. Вероятно, вместе с другими мелкими ремесленниками и торговцами, они оказались в потоке малоазийской эмиграции на Боспор, причины которой следует искать в римской провинциальной политике.

После решающих побед на Дунае, Рим укрепляет свои позиции на северном берегу Понта, где усилие боспорских царей было чревато возникновением сепаратистских настроений. Как известно, римляне всегда стремились контролировать порядок престолонаследия в зависимых царствах (32, с. 70). Не исключено, что в начале 30-х гг. II в. именно они спровоцировали династические неурядицы на Боспоре. Два года Котис II и Реметалк, каждый от своего имени, чеканят золотые монеты (12, №№ 478—479, 502—503). После смерти Котиса престол занимает Реметалк, но ни в одной надписи, упоминающей этого царя, нет столь обычных для Боспора ссылок на отца (4, №№ 47, 96 и др.). В надписи 133 г. Реметалк называет императора Адриана «богом, благодетелем всего Боспора и своим утвердителем» (4, № 47). Однако В. П. Яйленко предлагает трактовать греческое как «восстановитель», что существенно уточняет смысл надписи и статус боспорского царя (28, с. 49). Новый император круто меняет политику в отношении боспорского правителя. В первые пять лет правления Автонина Пия на Боспоре

прекращается золотой чекан, а царь Реметалк вызывался в Рим для объяснений (5, Iul. Capit. Ant. Pius. 9,8). Очевидно, более жесткая политика Рима в отношении «союзного» царства нашла выражение и в том, что боспорцам перестали жаловать римское гражданство. В ономастиконе царства отсутствует гентильное имя Адриана и Антонина Пия — Элий. Перевод Г. А. Цветаевой имени как Элий представляется неудачным (2, с. 107), — ближе к истине Л. Згуста, который считал это имя автохтонным, малоазийским (33, параграф 399).

Новая римская оккупация Таврики и Ольвии изменила политическую ситуацию в Причерноморье. Периодически появляются римские подразделения и на Боспоре. Известны имена двух римских граждан, служивших в Кипрской когорте, — Луций Волузий и Гай Меммий (4, №№ 691, 726). Заметим, что в эпитафиях опущены *cognomina*, хотя в это время стало обычным не упоминать личные имена. О временном характере пребывания здесь римских войск свидетельствует то обстоятельство, что для надгробия Луцию Волузию использовали более древний памятник, с которого наспех сбили рельеф и надпись.

Однако появление римских войск в Таврике не изменило положение Боспорского царства, которое сохранило статус римского союзника и вместе с римской державой к концу II в. достигло вершины экономического и политического могущества. Все более пышным становится двор, растет бюрократический аппарат царства. Цари активно расширяют и укрепляют свои границы. При Савромате II разгромлены сираки и скифы, флот энергично действует у южных берегов Понта (4, № 1237). Рескупорид II провозгласил себя «царем Боспора и тавроскифов» (4, № 1008). По мнению Зосима, боспорские цари передавали власть по наследству, дружили с римлянами и получали императорские дары (5, Zosim. Hist. Nova. 1, 32).

Эдикт Каракаллы 212 г. даровал римское гражданство всему свободному населению империи, максимально расширил *orbis Romanus*, но лишил гражданство былой прелести (34, с. 220—224). Имя Аврелий становится одним из самых распространенных в Средиземноморье. Но в боспорских памятниках не упоминаются местные жители, получившие гражданство вскоре после эдикта, что подчеркивает независимость Боспора. Выходцем из римской провинции был архитектор Аврелий Антонин, долгое время трудившийся в Танаисе (21, с. 78). Аврелиями были послы Амастрии и Прусы, которые позаботились о возведении статуи Рескупориду III (4, №№ 54, 55, 953).

В середине III в., по мере углубления кризиса и усиления натиска варваров, потребовалось укрепление боспорской армии и государственного аппарата римскими ставленниками. Од-

ним из них был Аврелий Родон, сын Лоллея наместник царской резиденции, хилиарх и римский всадник (4, № 58). Как и прочие Аврелии, боспорский вельможа и военачальник, вероятно, не был коренным местным жителем. Имя его отца встречается только в одной надписи, но имеет аналогии в Малой Азии (33, с. 271). Аврелий Родон оказал какие-то услуги гераклелоту Аврелию Цельсу, сыну Цельса, что может указывать и на происхождение римского всадника, состоявшего на службе у боспорского царя. Вероятно, в это трудное время римские граждане составляли особую группировку среди боспорской правящей верхушки, которая, впрочем, не смогла противостоять варварам.

Итак, появление римских граждан среди боспорцев, на наш взгляд, следует рассматривать в связи с римской политикой на Боспоре. Быть может, первым римским гражданином здесь был царь Полемон I. И в дальнейшем в своей политике римляне опирались на династию местных царей и римских граждан, добиваясь в результате союза с ними выгодной для себя ситуации в Северном Причерноморье. В свою очередь, цари династии Тибериев Юлиев, используя союз с Римом, сохранили независимость во внутренней политике и временами доминировали в Таврике. Для укрепления про- римских настроений римское гражданство периодически даровалось представителям придворной верхушки. Кроме того, среди жителей Боспора появились ветераны римских войск, отпущенники римских граждан и их потомки, переселенцы из Малой Азии и других римских провинций, которыми иногда укреплялся государственный аппарат царства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ш е л о в Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М.: Наука, 1972.
2. Ц в е т а е в а Г. А. Боспор и Рим. — М.: Наука, 1979.
3. С а в о с т и н а Е. А. Римские имена в ономастиконе Северного Причерноморья // СА. — 1974. — № 4.
4. Корпус боспорских надписей. — М.-Л.: Наука, 1965.
5. Scythica et Caucasia e veteris scriptoribus Graecis et Latinus. Vol. 1—2/Е. В. Latyshev. — Petropoli, 1893—1906.
6. С т р а б о н. География. — М.: Изд-во АН СССР, 1964.
7. П л у т а р х. Сравнительные жизнеописания. Т. 3. — М.: Наука, 1964.
8. В г а н д D. Rome and the Friendly King: The character of the client Kingship. — L., 1984.
9. М а ш к и н Н. А. Из истории римского гражданства // Известия АН СССР. Серия истории и философии. — 1945. — № 5.
10. О р е ш н и к о в А. В. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // ИТУАК. — 1902. № 34.

11. Орешников А. В. Киликийские монеты царя Марка Антония Полемона // Нумизматический сборник. Т. 1. — М., 1911.
12. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. — Киев: Наук. думка, 1986.
13. Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга // СА. — 1965. — № 2.
14. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. — 1910. — Вып. 37.
15. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
16. Ростовцев М. И. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. — 1989. — № 3.
17. N a d e l V. penetracja Rzymu i wpływy rzymskie na polnocnym wybrzeżu Morza Czarnego // Meander. 1969. № 3.
18. Орешников А. В. К нумизматике приемников Аспурга // ИРАИМК. — 1921. — Т. 1.
19. Аппиан. Митридатовы войны // ВДИ. — 1946. — № 4.
20. Петроний Арбитр. Сатирикон. — М.-Л.: Госиздат, 1924.
21. Дьячков С. В. Отпущенники и их потомки в составе населения Боспорского царства в первых веках н. э. // Вест. Харк. ун-та. 1988. — № 316.
22. Фролова Н. А. Медные монеты Котиса I, как исторический источник // СА. 1976. № 3.
23. Каде в В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков: Вища школа, 1981.
24. Зубар В. М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вип. 63.
25. Фролова Н. А. Монеты Котиса II (123—132 гг. н. э.) // Труды ГИМ. 1986. Вып. 61.
26. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
27. L a t y s c h e v V. Inscriptiones orae septentrionalis ponti Euxoni. V. 1. — Ed. 2. — Petropoli, 1916.
28. Яйленко В. П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. — М., 1987.
29. T a y l o r L. R. Freedmen and Freeborn in the Epitaphs of Imperial Rome // AJPh. 1961. Vol. 82. № 1.
30. Z g u s t a L. Die personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. — Praha, 1955.
31. D u f f A. M. Freedmen in the early Roman Empire. — Oxf., 1928.
32. B r a u n d D. Client kings // Exeter Studies in History. — № 18. — 1988.
33. Z g u s t a L. Kleinasiatische personennamen. — Praha. 1964.
34. S h e r w i n. — W h i t e A. N. The Roman Citizenship. Oxf., 1973.

В. Ю. ЮРОЧКИН

ПОГРЕБЕНИЕ КОЧЕВНИКА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В КУРГАНЕ У СЕЛА ИЗОБИЛЬНОГО В КРЫМУ

В 1986 г. экспедицией охранно-археологического сектора отдела охраны памятников истории и культуры Крымского краеведческого музея был исследован курган у села Изобильного Нижнегорского района Крымской области*.

Курган располагался в 3,2 км к юго-западу от юго-западной окраины села в 250 м от бывшего хутора «Плакса».

Насыпь кургана распахана плантажным плугом. В плане она имела округлую форму, диаметром по оси восток-запад — 40 м, север-юг — 38 м, высота сохранившейся части насыпи — 0,5 м. Курганная насыпь состояла из чернозема (рис. 1, 1).

Курган сооружен в эпоху ранней бронзы, о чем свидетельствует основная могила (№ 12), относящаяся к ямной культуре. Кроме нее, от-

крыты еще 13 разновременных погребений: 3 ямных (№№ 7, 10, 14), 2 — срубной культуры (№№ 1, 3), 1 гуннского времени (№ 13) и 5 средневековых кочевнических могил (№№ 4, 5, 6, 8, 9), 1 не определенное (№ 11). В северной части кургана открыта могила, в которой находились скелеты двух лошадей (рис. 1, 1).

В данной работе мы подробно остановимся только на погребении № 13. Захоронение открыто в 3 м к югу от центра кургана, на глубине 0,8 м от «0». Контуры могильной ямы, к сожалению, проследить не удалось. Общая сохранность костей скелета удовлетворительная. На дне могилы на спине в вытянутом положении, головой на восток (отклонение к северу — 15 град.), лежал костяк подростка (рис. 1, 2). У шейных позвонков погребенного найдены бусины из бледно-розовой пасты и стекла (рис. 2, 4). Рядом с костью предплечья левой руки лежало бронзовое круглое зеркало с петлей в центре (рис. 2, 6) (сохранилось несколько фраг-

*Автор благодарит А. В. Гаврилова, предоставившего материалы раскопок.